

На правах рукописи

Коршенко Сергей Вадимович

**Образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в
период Второй мировой войны**

Специальность: 07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель –

доктор исторических наук, профессор

Н.Д. Козлов

Санкт-Петербург

2019

Работа выполнена на кафедре истории Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Николай Дмитриевич Козлов

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, главный редактор журнала для ученых «Клио», профессор кафедры истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
Сергей Николаевич Полторак

доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Галина Владимировна Серебрянская

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»

Защита состоится «27» июня 2019 г. В 13:00 на заседании диссертационного совета Д 999.133.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2018/876/diss-Korshenko-876.pdf>

Автореферат разослан « » мая 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

I. Общая характеристика исследования

Актуальность темы исследования. Вторая мировая война была величайшим испытанием для всех народов, и подвергла жесточайшей проверке человеческое сознание. Борьба с фашистами за существование собственной государственности, угроза полного физического уничтожения сформировали в советском массовом сознании мобилизационную готовность к отражению противника. Процесс восприятия другой страны во время войны особенно усиливался, когда под влиянием внутрисполитических (к примеру, всеобщей мобилизации населения) или внешнеполитических факторов (как, международное сотрудничество или конфронтация) «образ врага» претерпевал изменения в советском массовом сознании.

Как и сегодня, в 1930-е – 40-е гг. восточные окраины Советского Союза стали ключевыми в азиатско-тихоокеанском регионе и представляли большой интерес, прежде всего, для Японии. Период конфронтации во второй половине XX века в данном регионе в настоящее время сменяется процессом налаживания двухсторонних отношений между Россией и Японией и решением проблемы т.н. «северных территорий», о чем сегодня свидетельствуют российско-японские договоренности на высшем политическом уровне по различным направлениям социально-экономической деятельности двух стран.

Поэтому для отечественной науки сегодня, в условиях всемирной политической, экономической, культурной интеграции и унификации, является важным изучение взаимовосприятий различных народов на определенных этапах исторического развития. Сравнительно недавние работы, посвященные изучению других стран через сопоставление «себя» с внешним миром положило начало новому направлению в исторической науке - имагологии.

Советско-японские конфликты и войны в конце 1930-х – 1940-х гг., несмотря на то, что были относительно непродолжительными, имели важное значение для последующих результатов Второй мировой войны и в послевоенный период. Однако без учета психологического и межкультурного факторов будет затруднительным осмысление уроков войны.

Объектом исследования является советское массовое сознание периода Второй мировой войны, под которым в исследовании понимается совокупность настроений, переживаний, заблуждений, знаний, взглядов и психологических установок, присущих обществу указанного периода.

Предметом исследования является образ Японии и японцев в советском массовом сознании, нашедший отражение накануне и в годы Второй мировой войны в представлениях общественности и советского руководства.

Цель данной работы - проанализировать образ Японии и японцев в советском массовом сознании накануне и в период Второй Мировой войны. Данная цель достигалась через решение следующих задач:

- Рассмотреть роль периодической печати в формировании представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании.
- Дать характеристику наглядной агитации, фольклору, кинематографу и другим средствам и способам формирования представлений о Японии и японцах в советское общественное сознании.
- Проанализировать этапы складывания стереотипов об островном соседе в советском официальном сознании, изучив мнения и позиции военного и политического руководства Советского Союза в отношении Японии.
- Определить источники и характеризовать индивидуальное восприятие советского населения на фронте и в тылу о Японии и японцах накануне и в годы Второй мировой войны.

Хронологические рамки исследования очерчиваются преддверием и окончанием Второй Мировой войны. Нижней границей для этого послужил июль – август 1938 г. – события на озере Хасан, верхней – подписание Акта о капитуляции Японии и окончание Второй мировой войны 3 сентября 1945 г. Тем не менее, для более полного раскрытия темы возникла необходимость обратиться к более ранним периодам с целью обоснования средств, способов и причин восприятия Японии и японцев у различных категорий советского населения.

Территориальные рамки исследования охватывают территории советского Дальнего Востока (Приморья, Хабаровского края и Камчатки), а также некоторых центральных регионов Советского Союза, в том числе Москвы и Ленинграда.

Научная новизна. Несмотря на то, что изучение образа Японии и японцев в советском массовом сознании прочно вошло в сферу интересов отечественных историков, в работе предпринимается попытка комплексного научного исследования данной проблемы именно в период Второй мировой войны, в период эволюции представлений о противнике на фронте и в тылу. Анализируются средства, способы и результаты представлений о Стране восходящего солнца различных категорий населения в центральных и отдаленных регионах СССР в годы войны. Помимо этого, при работе над исследованием в научный оборот были введены некоторые неопубликованные материалы о настроениях советского населения, связанных с военными кампаниями в центральной части СССР и на Дальнем Востоке.

Степень изученности темы исследования. Концептуальные основы отечественной историографии по проблеме советско-японских вооруженных конфликтов в конце 1930-х – 1940-х гг. были заложены уже непосредственно накануне Второй мировой войны лидером страны И.В. Сталиным, а также видными учеными-японоведами, такими как Е.М. Жуков, В.Я. Аварин и др¹. В 1950 – 1980-е гг. советские историки не могли не учитывать взглядов

---

¹ Жуков Е.М. История Японии. – М., 1939.

Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. – М., 1947.

«вождя народов» по указанной проблеме, зачастую прибегая к цитированию его выступлений в годы войны. Послевоенная историография единым фронтом стала акцентировать внимание на агрессивных и империалистических действиях японской «военщины» против Китая и СССР, подчеркивая вынужденный и необходимый характер участия Советского Союза в событиях на Хасане и Халкин-Голе, в войне с Японией в августе 1945 г.¹ В стремлении подчеркнуть направляющую роль партии в разрешении конфликтов на Дальнем Востоке, тональность работ советских историков зачастую была крайне эмоциональна².

Результаты научных изысканий 1930-х – 1960-х гг. легли в основу 6-томной «Истории Великой Отечественной войны»³. Несмотря на то, что масштабное издание было посвящено преимущественно военным действиям и героической борьбе советского народа с фашистской Германией, в частности, советско-японским противостояниям в годы войны были уделены отдельные главы 5-го тома. В них нашли отражение анализ дипломатических предпосылок войны с Японией в августе 1945 г., Ялтинская конференция в феврале 1945 г., бои на Маньчжурском театре военных действий, на Сахалине и Курилах, раскрывалось военно-политическое значение победы Советского Союза.

В 1982 году комплексный подход при анализе новых научных разработок был применен в 12-томной «Истории Второй мировой войны»⁴, в которой информация о Японии (о ее участии в войне, социально-экономическом потенциале и др.) содержалась уже в каждом томе, в том числе, отдельно отведенном, 11-м, где детально были проработаны вопросы финальных событий Второй мировой войны.

В постсоветский период историки стали уделять большое внимание, прежде всего, дипломатической истории советско-японских отношений в годы Второй мировой войны⁵. Переосмысление событий на Хасане и Халкин-Голе, Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 г. привело в 1990-е гг. к дискуссии между сторонниками традиционных оценок, данных советскими историками с приверженцами т.н. «ревизионистской» школы.

Так дискуссионным в отечественной историографии этого периода стал вопрос о положениях советско-японского Пакта о нейтралитете апреля 1941

---

¹ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М., 1962.

² Горбунов Е.А. Крах планов «Оцу», 10 августа 1938, 20 августа 1939. – Владивосток, 1988.

Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931 – 1945. – М., 1989.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945. Т. 5. – М., 1963.

⁴ История Второй мировой войны. 1939 – 1945. Т. 11. – М., 1980.

⁵ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941-1945. – М., 1995.

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. – М., 1996.

года. Историки-ревизионисты, в лице Б.Н. Славинского, В.Э. Молодякова¹ и др., на основе ранее не изученных документов, пришли к выводу о нарушении советской стороной Пакта о нейтралитете, возложив ответственность на СССР за развязывание войны с Японией в августе 1945 года, а также выдвинули тезис об отсутствии необходимости вступления СССР в войну с Японией. Данная оценка была подвергнута критике историками традиционного направления А.А. Кошкиным, С.Л. Тихвинским² и др., которые, в свою очередь, убедительно отстаивали свою позицию тезисами о выполнении Советским Союзом союзнического долга, о стремлении «потушить» последний очаг агрессии, искоренить идеологии японского милитаризма. Полемика вокруг статуса южного Сахалина и Курильских островов также сегодня в центре внимания отечественных историков. Сторонники возвращения исконных территорий в лоно Японии вновь вступают в противостояние с теми, кто отказывается проводить «ревизию» итогов Второй мировой войны.

На данном этапе развития историографии в рамках советско-японских отношений в 1930 – 1940-е гг. раскрываются проблемы, которые, в свое время, не нашли должного отражения в советский и постсоветский период. К таким вопросам, к примеру, относятся проблемы японских военнопленных³, феномена «камикадзе», обыденного сознания и повседневности.

В современной российской историографии сегодня также значительное место уделено проблеме формирования «образа врага» в массовом сознании в период войны. Хотя научные разработки по данному вопросу стали появляться относительно недавно в отличие от других направлений исторических исследований. В советское время в рамках данной проблематики лишь некоторые работы отечественных и зарубежных исследователей были опубликованы и переведены на русский язык⁴.

---

¹ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история. 1941-1945. – М., 1995. – С. 19.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929 – 1948 гг.). – М., 2005. – С. 296.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. – М., 2004.

² Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. – М., 2010. – С. 179-316.

Зимонин В.П. Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. – М., 2010.

Тихвинский С.Л. Россия и Япония. Обречены на добрососедство. – М., 1996. С. 25-26.

³ Карасев С.В. История плена: советско-японская война и ее последствия. (1945 – 1956 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Иркутск, 2007.

Иванов Ю.Г. Камикадзе: пилоты-смертники. Японское самопожертвование во время войны на Тихом океане. – Смоленск, 2003.

⁴ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. Пер. с польск. – М., 1981.

Комков Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной. 1941 – 1945. – М., 1983.

Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР. 1941 – 1944 гг. – М., 1988.

Орлов Ю.Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. – М., 1985.

Причиной недостаточной разработки, по мнению профессора Е.С. Сенявской, была «деликатность» данной темы, которой зачастую занимались представители советских спецслужб¹.

Постсоветский период в развитии историографии по данному направлению характеризовался более пристальным вниманием историков к проблеме формирования «образа врага» в массовом сознании в годы войны. Первые попытки комплексного исследования архивных документов, периодической печати и источников личного происхождения позволили обогатить историографию этого направления.

Первым подобным исследованием, отличающимся глубиной научных изысканий и выводов, стала работа профессора Е.С. Сенявской, посвященная противникам России в истории XX века². Исследовательница отмечает, что формирование «образа врага» в российском (советском) обществе осуществлялось средствами пропаганды и агитации, средствами массовой информации и др., чему способствовало множество факторов. Так, существование довоенных стереотипов о противнике, которые не всегда соответствовали нуждам военного времени, сжатые сроки, массовый характер приобщения, различный образовательный и культурный уровень, жизненный опыт советского населения, а также «искусственность создаваемой конструкции», в значительной мере приводили к мифологизации «образа врага»³. Однако Е.С. Сенявская отмечает наличие в обществе различных субъектов восприятия, на которых зачастую не могла оказать влияние агитационно-пропагандистская политика государства, имея в виду, непосредственных участников боевых действий и население оккупированных территорий. «Опыт такого взаимодействия различен у видов и родов войск, представителей различных военных профессий, да и у конкретных военнослужащих – считает профессор Е.С. Сенявская. – Однако в ходе войны формируется некий общеармейский коллективный опыт восприятия противника и соответствующий ему «образ врага», который может существенно отличаться и от представлений государственных аналитических служб высоких уровней, и от пропагандистского образа, внедряемого в общество, и от некоторых других образов, формируемых, например, у гражданского населения. В «армейском» образе значительно меньше пропагандистских штампов и идеологических клише, мало в нем и обобщающей «информационной аналитики». Зато доминирует

Вербицкий С.И. Формирование представлений о Японии в России и СССР // Япония: Ежегодник. – М., 1989. – С. 129-149.

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 5.

² Там же.

Сенявская Е.С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. – М., 2006. – № 1. – С. 92-103.

³ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С.14.

непосредственный прагматический опыт, здравый смысл и связанные с ними эмоциональные компоненты»¹.

Появлению столь подробного исследования по данной проблематике способствовали разработки по историческому аспекту, которым сегодня занимаются не только историки², но и представители других отраслей науки. Кроме того, в ряде трудов, посвященных средствам, способам и результатам формирования представлений о противнике в массовом сознании, исследователи обратили внимание не только на «внешних врагов» СССР, но и на «внутренних»³. К примеру, в работе Б.Н. Арнаутова⁴ анализируются этапы становления «образа врага народа» в условиях еще формирующейся советской государственной системы в 1934 – 1938 гг. По мнению автора, в эти годы «образ врага народа» стал служить одним из сущностных элементов «превращения страны в единый военно-трудовой лагерь». Проблему восприятия «внешних врагов» в разное время также поднимали А.В. Фатеев⁵

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006. – С. 17-18.

² Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 – 1941 гг. – М., 1997.

Сенявский А.С. Проблема «свой» - «чужой» в историческом сознании: теоретико-методологический аспект // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании. Матер. Междунар. науч. конф. / Под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001. – С. 13-15.

³ Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930 – 1940-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 31-46.

Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня – декабря 1941 года // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М., 2005. – С. 175-190.

Мельникова И.В. Музыка как символ русско-японского партнерства // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 116-142.

Сенявская Е.С. Русские и финны глазами друг друга: «образ врага» в кинематографе о Второй мировой войне // Вестник РУДН. Серия «История России». – М., 2005. – С. 14-19.

Дроздов Ф.Б. «Образ врага» в сознании рядового красноармейца в годы Великой Отечественной войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М., 2005. – С. 302-315.

Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. – Красногорск, 1996. – С. 144-147.

Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. – 2002. – № 10. – С. 41-44.

Козлов Н.Д. Образ врага в сознании народа и отношение к нему в годы Великой Отечественной войны // IX Царскосельские чтения. Т.1. Материалы всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2005. – С.169-178.

Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. – М., 1999.

Червякова А. О роли органов советской и германской пропаганды в формировании массового сознания населения СССР и советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 1 (57) – С. 13-17.

⁴ Арнаутов Н.Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (дек. 1934 – нояб. 1938 гг.). – Новосибирск, 2012.

⁵ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945 – 1954. – М., 1999.

и А.С. Белоконева¹, которые рассмотрели методы и средства формирования «образа врага послевоенного», когда сформированные враждебные представления внутри советского общества были направлены на бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции, которым, в свою очередь были посвящены исследования М.В. Кирпичниковой² и И.О. Колдомасова³.

Значительные исследования были посвящены непосредственно восприятию Страны восходящего солнца на разных этапах ее взаимоотношений с Россией (Советским Союзом). В ряде современных работ рассматривается образ Японии в дореволюционной России на рубеже XIX – XX вв. и в период Русско-японской войны 1904 – 1905 гг.⁴ Расстановка геополитических сил на международной арене, и участие в них Японии и СССР в 1930-е гг. привлекли более пристальное внимание историков уже на современном этапе развития отечественной историографии⁵. Особо стоит отметить научные изыскания исследовательницы А.С. Ложкиной, в работах которой, на основе архивных документов и опубликованных материалов, приведены причины и источники формирования представлений в сознании высшего советского руководства об островном соседе Советского Союза в период напряженной обстановки в дальневосточном регионе в начале 1930-х гг. Обстоятельно рассмотрены результаты процессов восприятия образа Японии не только у партийных руководителей, но и у других социальных групп населения. Особое внимание проблеме восприятия Японии как противника СССР в период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. и в

---

¹ Белоконева А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны" (1946 - 1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004.

² Кирпичникова М.В. Антигитлеровская коалиция в сознании советских людей в годы Великой Отечественной войны (на материалах северо-запада СССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008.

³ Колдомасов И.О. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества (1941 – 1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

⁴ Жукова Л.В. Восприятие Японии в России накануне русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 341-356. Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и в русской культуре конца XIX – начала XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 325-340.

Сенявская Е.С. Япония как противник России в войнах XX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С. 357-386.

Михайлова Ю.Д. Война длиною в целый век: лубок, литография, карикатура // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю.Д. Михайловой. – СПб., 2014. – С. 38-67.

Вергасов Ф. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. – М., 1998.

⁵ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. Ежегодник. – М., 2008. № 37. – С. 259-284.

Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании (1931-1939): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

период Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе – сентябре 1945 г. уделено в работах профессора Е.С. Сенявской¹.

В результате, новым для данного историографического периода является защита большого количества диссертационных исследований, раскрывающих различные объекты восприятия советского массового сознания в период Второй мировой войны².

Средствами формирования представлений о противнике в СССР, которыми зачастую были периодические издания, стали заниматься еще в советское время. Историки, занимавшиеся этой проблемой, ставили целью, прежде всего, изучение структуры, содержательной части и значения периодических изданий в военный период³.

В виду того, что «образ врага» рассматривается как феномен массового сознания, на современном этапе отечественной историографии большое развитие получили исследования, посвященные особенностям менталитета, моральному потенциалу и массовому сознанию советского народа на разных этапах его развития.

В монографии «Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны»⁴ профессор Козлов Н.Д. в соавторстве с исследовательницей Довжинец М.М. воссоздали общую картину духовной атмосферы советского народа в период Великой Отечественной войны, исследовали источники воздействия на формирование советского массового

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. – М., 2006.

Сенявская Е.С. Дальневосточная кампания 1945 года в сознании советских военнослужащих // Вестник МГИМО Университета. – М., 2013. №4 (31). – С. 165-176.

² Белоконова А.С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны" (1946 - 1953 гг.): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004.

Исаев А.А. Общество Дальнего Востока в условиях японской опасности (1930-е – середина 1940-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2006.

Колдомасов И.О. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества (1941 – 1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2010.

³ Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М., 1960.

Широкорад И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – М., 2001.

Николаева М.Ф. Советский плакат (1917-1941): между искусством и медийной технологией // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – № 3. – 2012.

Федосов Е.А., Конев К.А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны: общенациональный и региональный аспекты // Русин. – №2 (40). – 2015.

Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – Саратов, 2013. № 3. - С. 123.

Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. – М., 1962. – С. 122-124.

⁴ Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 2008.

Козлов Н.Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – СПб., 1996.

сознания в этот период. Комментируя различные формы внутреннего и внешнего поведения советских людей по отношению к противникам в Великой Отечественной войне, авторы работы приходят к выводу, что «образ врага» является характерным, даже очевидным историческим явлением для военного времени. По мнению Н.Д. Козлова, самые яркие формы выражения «образа врага» позволили держать население в состоянии мобилизационной готовности, подавили вспышки инакомыслия и предательства.

По указанной проблеме необходимо выделить монографию профессора Ткачевой Г.А. «Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны»¹, в которой нашли отражение тревоги, переживания и обращения жителей Дальнего Востока в условиях «японской опасности» в военное время. Автор исследует различные формы поведения людей в изменяющихся условиях, и на основании конкретных примеров формулирует доминанту общественных настроений, господствовавших в указанный период в советском Приморье. Историк приходит к выводу, что наличие союзника фашистской Германии вблизи советской границы стало не только определяющим фактором для укрепления восточных рубежей СССР (даже в условиях заключенного Пакта о нейтралитете), но и позволило сохранить в массовом сознании стереотипы о Японии, известных еще со времен локальных конфликтов в конце 1930-х гг. К таким выводам Ткачева Г.А. приходит на основании изученных архивных материалов отделов пропаганды и агитации, протоколов агитационных собраний Хабаровского и Приморского краев.

«Образ врага» в СССР традиционно представлял комплексное, а в результате агитационно-пропагандистской работы собирательное представление о противнике, зачастую верное, необходимое и очевидное, но порой искаженное, иллюзорное в массовом сознании. С учетом того, что проблема носит междисциплинарный характер, не только историки сегодня занимаются исследованием восприятия и менталитета населения. Наиболее примечательной работой в этом направлении является труд «Манипуляция сознанием»², в которой ее автор, С.Г. Кара-Мурза проанализировав причины и сущность, основные доктрины, формы и методы воздействия на человеческое сознание, отдельно останавливается на манипуляции сознанием

¹ Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – Владивосток, 2010.

Ткачева Г.А. Особенности общественного сознания дальневосточников (1941 – 1945 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций: Пятое Крушановские чтения. 2006. – Владивосток, 2008. Т. 1. С. 382-390.

Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2012.

Исаев А.А. Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в конце 1917 – 1960-е гг. XX века: сб. науч. ст. – Владивосток, 2005. Кн. 3. – С. 117-118.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2000.

в условиях массовой культуры, в условиях существования различных общественных институтов и особо подчеркивает роль средств массовой информации, однако, не вдаваясь в конкретизацию исторических процессов.

Таким образом, многие исследователи сходятся в очевидности такого исторического явления, как «образ врага» и в схожести процессов его формирования. Отдельные историки полагают, что воплощение данного явления в жизнь является обоснованной реалией военного времени, видят коренные причины его формирования в работе государственных механизмов пропаганды и агитации. Важным в данных исследованиях стало изучение «образа врага» в динамике усиления или ослабления государственной пропагандистской работы с учетом личного опыта и настроений населения страны.

Обзор историографии показал, что аспекты, связанные с проблемами официального и обыденного сознания в мирное время и в годы войны, проблемы, посвященные объектам восприятия и вопросы о процессах формирования представлений о союзниках и противниках России (СССР) находят отражение все в большем количестве исследований. Однако данная проблематика до сих пор не изучена или не раскрыта более полно на различных этапах исторического развития российского (советского) общества.

Источниковая база исследования. В основе исследования лежит комплекс преимущественно письменных исторических источников, состоящий из опубликованных и неопубликованных материалов. Источниковая база состоит из архивных документов, хранящихся в пяти архивах (двух центральных и трех региональных): Центральном Городском архиве Москвы (ЦГА г. Москвы), Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном военно-морском архиве Министерства обороны в Гатчине (ЦВМА в г. Гатчина), Государственном архиве Приморского края (ГАПК), Центральном Государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Документы из фонда И.В. Сталина (ф. 558) в РГАСПИ, несмотря на то, что продолжительное время используются исследователями советской истории, помогли выявить источники и разобраться в причинах формирования представлений о Японии и японцах в сознании высшего руководства СССР в предвоенный период. Материалы фонда Штаба Тихоокеанского флота (ф. 2450) в ЦВМА г. Гатчины помогли сверить разведывательные сведения Тихоокеанского флота с информацией в источниках личного происхождения, порой субъективных по своему содержанию.

Специфика работы с фондами ГАПК, ЦГАИПД СПб, ЦГА г. Москвы, в которых хранятся документы райкомов, горкомов и обкомов (крайкомов) ВКП(б), заключается в том, что в них собраны протоколы, информационные справки и бюллетени отделов пропаганды и агитации о морально-политической работе с советским населением в период боевых действий

между Японией и СССР, что позволило, в свою очередь, провести сравнительно-сопоставительный анализ настроений жителей Советского Союза в Москве, Ленинграде и во Владивостоке. Ко всему прочему, архивы позволяют использовать возможности целого ряда единиц хранения, отражающих определенные аспекты обозначенной проблемы.

Так, при написании данной работы широко использовались документы следующих архивов. Материалы ГАПК, хранящиеся в фондах Владивостокского городского комитета КПСС (ф. П-3), Приморского краевого комитета КПСС (ф. П-68), Хасанского районного комитета КПСС (ф. П-89), Дальнегорского городского комитета КПСС (ф. П-92), Красноармейского районного комитета КПСС (ф. П-436), Партийного архива Приморского крайкома КПСС Владивостока (ф. П-3135), Приморского краевого комитета по радиовещанию и телевидению (ф. Р-84), Исполнительного комитета Приморского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-25), Исполнительного комитета Владивостокского городского Совета народных депутатов (ф. Р-85), Исполнительного комитета Владивостокского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-86), Владивостокской таможни Главного таможенного управления Министерства внешней торговли СССР (ф. Р-149), Документов, выявленных к сборнику «Партийная организация Приморья в годы Великой Отечественной войны» (ф. Р-261), Лесозаводского районного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета (ф. Р-813), Уссурийского областного управления по делам литературы и издательств г. Ворошилова (ф. Р-1027), Документов-воспоминаний «Революционное движение в Приморье» (ф. Р-1370), Кобыща Феодосия Гавриловича (фонд личного происхождения. Р-1544) способствовали воссозданию представлений жителей Приморья о Стране восходящего солнца в период локальных конфликтов в конце 1930-х гг. на Дальнем Востоке, «дальневосточного затишья» и Маньчжурской стратегической наступательной операции.

Материалы фондов Приморского краевого отдела культурно-просветительской работы исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся (ф. Р-470) и Комитета по телевидению и радиовещанию исполнительного комитета Приморского краевого Совета депутатов трудящихся (ф. Р-84) позволили определить способы и методы формирования представлений о Японии и японцах в сознании населения Приморья.

Материалы ЦГАИПД СПб, хранящиеся в фондах Ленинградского областного комитета ВКП (б) (ф. 24), Ленинградского городского комитета ВКП (б) (ф. 25) и материалы ЦГА г. Москвы, хранящиеся в фонде Московского городского комитета ВКП (б) (ф. 4) позволили проанализировать морально-психологическую обстановку в Москве и в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны, а также в период дальневосточной кампании в августе – сентябре 1945 года.

Немаловажное значение для данной работы имели опубликованные документы и материалы, касающиеся средств, способов и результатов формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании в предвоенные и военные годы, представленные, в частности перепиской и выступлениями советского руководства в 1938 – 1945 гг.¹, международными документами по проблеме советско-японских отношений конца 1930-х – 1945 гг.², письмами с фронта³, данными об участниках и потерях в период Второй мировой войны⁴, сборниками киносценариев и фольклора о Японии в 1930-х – 40-х гг.⁵ и др.

При исследовании аспектов, связанных с представлениями советского населения о Японии и японцах, проживавших в отдаленных и центральных регионах Советского Союза, о настроениях жителей СССР в период локальных конфликтов на Дальнем Востоке в конце 1930-х гг. и Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе – сентябре 1945 г., большой интерес представляют периодические издания, а именно: центральные газеты «Правда» и «Известия»⁶, региональные газеты, к примеру, «Ленинградская правда»⁷, «Тихоокеанская звезда»⁸, «Курская правда»⁹, «Свердловская правда»¹⁰, «Красное знамя»¹¹, «Гродненская

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 2001.
Сталин. Политбюро в 30-е годы. Сб. док. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. – М., 1995.
Советское руководство. Переписка. 1928 – 1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. – М., 1999.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – СПб., 2010.

² Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плотников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы: история и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. – М., 2015.

Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941 – 1945 гг. – М., 1995.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сб. док. Т. 4. – М., 1984.

³ Последние письма с фронта. 1945 год: Сб. Т. 5. – М., 1995.

⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993.

⁵ Довженко А.П. Думы у карты Родины: киноповести, рассказы, очерки, статьи. – Л., 1983.
По военной дороге: Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском Флоте. – М., 1988.

⁶ Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). – М., 1938 – 1945.

Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – М., 1945.

⁷ Ленинградская правда. Ленинградского областного и городского комитетов ВКП(б) и областного и городского совета трудящихся. – Л., 1938 – 1945.

⁸ Тихоокеанская звезда. Орган Хабаровского краевого и городского комитетов ВКП(б) и краевого совета депутатов трудящихся. – Хабаровск, 1938 – 1945.

⁹ Курская правда. Орган Курского Обкома ВКП(б), Горкома ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся. – Курск, 1945.

¹⁰ Свердловская правда. Орган Свердловского райкома ВКП(б) и Исполкома райсовета депутатов трудящихся. – Свердловск, 1945.

¹¹ Красное знамя. Орган Приморского краевого и Владивостокского городского комитетов ВКП(б) и Приморского краевого Совета депутатов трудящихся. – Владивосток, 1938-1939.

правда»¹, а также военные газеты «На страже Родины»², «Красная звезда»³ и «Красноармейская иллюстрированная газета»⁴. Помимо перечисленного, немалый интерес представляют советские научные⁵ и сатирические журналы⁶, а также киножурналы⁷. Работа с периодической печатью осложнялась тем, что многие издания в годы Второй мировой войны перестали выходить (преимущественно на оккупированных территориях), а в некоторых городах, к примеру, в Ленинграде, выходили малым тиражом и публиковали самую насущную информацию. Дальневосточная печать выходила регулярно, но вследствие геополитической обстановки, не публиковала информацию об островном соседе, ограничиваясь сводками ТАСС. В условиях того, что газета оставалась одним из ведущих каналов получения актуальной информации, образ Японии и японцев претерпел небольшие изменения в сознании советского населения с 1938 года. Такие газеты как «Правда» или «Тихоокеанская звезда», просуществовавшие в период всей Второй мировой войны, дают исследователям необходимый материал об официальных представлениях жителей СССР о Стране восходящего солнца, а именно: воспоминания современников о непосредственных контактах с японцами, резолюции советских предприятий и организаций на вступление СССР в войну с Японией, статьи ученых-востоковедов, военных и политических экспертов, выступления высшего руководства СССР, международные советско-японские соглашения и сводки ТАСС. Кроме того, можно выделить советские журналы, к примеру, «Крокодил» и «Искусство кино», благодаря которым, историки могут воссоздать визуальные представления и фольклорные зарисовки о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в годы войны.

Помимо этого, в период работы над исследованием был привлечен целый ряд источников личного происхождения, представленных дневниками и воспоминаниями рядовых военнослужащих и тружеников тыла, мемуарами советских военачальников и дипломатов. Несмотря на субъективный характер данного типа источников, воспоминания позволили определить многообразие точек зрения, обнаружить «казусы», выявить тенденции.

¹ Гродненская правда. Орган гродненского областного и городского комитетов КП(б)Б, областного и городского советов депутатов трудящихся. – Гродно, 1945.

² На страже Родины. Орган Ленинградского военного округа. – Л., 1945.

³ Красная звезда. Центральный орган народного комиссариата обороны СССР. – М., 1945.

⁴ Красноармейская иллюстрированная газета. Издание главного политического управления Красной Армии. – М., 1945.

⁵ Большевик. Теоретический и политический журнал ЦК ВКП (б). Издательство ЦК ВКП (б) «Правда». – М., 1939-1945.

Военно-исторический журнал. Государственное военное издательство наркомата обороны СССР. – М., 1940.

Пропагандист-агитатор. Орган Хабаровского крайкома ВКП (б). – Хабаровск, 1939-1940.

⁶ Крокодил. Издание газеты «Правда». – М., 1938 – 1945.

⁷ Искусство кино. Орган комитета по делам кинематографии при СНК СССР. – М., 1936-1939.

Мемуары советского военного руководства¹, в которых зачастую дается характеристика фронтовой обстановки, технического и кадрового состояния японских войск, феномену «камикадзе» и мн. др., позволяют определить официальные оценки Советского государства в отношении островного соседа. Существенный интерес представляют воспоминания рядовых советских солдат и фронтовых корреспондентов², в которых, несмотря на наличие цитат из мемуаров авторитетных военачальников, присутствует свое понимание происходящего на фронте, а также собственные представления о японцах (их менталитете, обычаях, поведении и психологии), зачастую отличных от официальных оценок. К примеру, уникальными по своему содержанию являются воспоминания сотрудника советской дипломатической миссии в Японии в годы войны М.И.Иванова³, в которых представлена информация обо всех аспектах повседневной жизни населения внутри самой Японии: положении трудящегося населения, их быте, нравах, обычаях, дан анализ периодической печати, раскрываются замыслы официальных властей Японии и отношение к ним советских дипломатов.

В основу **методологии** исследования были положены принципы объективности, конкретности, всесторонности и историзма, которые предполагают всестороннее рассмотрение объекта исследования. В процессе изучения «образа врага» в советском массовом сознании в предвоенное и военные годы был проведен анализ и сопоставление исторических источников, выявлены причины их изменений, чему способствовал принцип объективности, во многом позволяющий абстрагироваться от субъективных

---

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. – М., 2002.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. – М., 2002.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М., 1987.

Мерецков К.А. На службе народу. – М., 1988.

Плиев И.А. Через Гоби и Хинган. – М., 1965.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. – М., 1982.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. – М., 1985.

² Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. – М., 1973.

Волынкин И.Т. Над пятью морями. – М., 1964.

Бойко В.Р. Большой Хинган – Порт-Артур. – М., 1990.

Гулякин М.Ф. «Будет жить!..». Фомин А.И. На семи фронтах. – М., 1989.

Калашников К.Ф. Право вести за собой. – М., 1981.

Кривель А.М. Это было на Хингане. – М., 1985.

Кривель А.М. Слышишь, Халкин-Гол! – М., 1998.

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. – М., 1969.

Мельников П.И. На земле, в небесах и на море: Сб. 1-й. – М., 1979.

На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925-1945. – М., 1974.

Рыжков А.Н. Бои за родные острова. Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. – Южно-Сахалинск, 1980.

Симонов К.М. Далеко на Востоке: Халхин-гольские записи. – М., 1969.

Советско-японские войны 1937 – 1940 гг.: Сб. – М., 2009.

Творцы победы: от рядового до маршала. – М., 1987.

Хейфиц И. Пойдем в кино! – СПб., 1996.

³ Иванов М.И. Япония в годы войны (записки очевидца). – М., 1978.

представлений по исследуемой проблеме. Принцип историзма позволяет рассмотреть «образ врага» в советском массовом сознании в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии с другими историческими событиями. Принцип конкретности помогает комплексно рассмотреть образ Японии и японцев с учетом обстоятельств, места и времени. Принцип всесторонности помог определить различные представления о Японии и японцах в советском массовом сознании. В научном исследовании также были использованы такие базовые принципы исторической науки, как принцип историографической традиции и принцип опоры на исторические источники.

В исследовании были использованы как общие, так и специальные методы исторического исследования. Проблемно-хронологический метод в данном исследовании помог рассмотреть образ Японии и японцев в советском массовом сознании в межвоенный и военный период в хронологической последовательности. Метод сравнительного анализа способствовал сопоставлению различных представлений о Японии и японцах среди населения Советского Союза, выделить в них общие черты и различия с целью дальнейшей классификации. Метод классификации помог систематизировать источники и средства, способах и результатах формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании.

Историческую картину исследования дополняют специальные методы. В частности, метод контент-анализа использован с целью систематизации имеющейся цифровой информации (количественных и качественных данных) с целью выявления общих закономерностей изучаемого процесса (массового сознания).

Теоретическая значимость исследования. Заключение в данной работе были сделаны на основании изложенного материала. Результаты исследования дополняют уже имеющиеся материалы о формировании представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании, так и сведения о появлении феномена «образа врага» в массовом сознании в периоды военного времени, а также создают предпосылки для дальнейшего исследования подобной проблематики. Помимо этого, проделанная работа отчасти помогает в изучении проблемы массового сознания отдельных групп населения в годы Второй мировой войны, а также массовых представлений о соседях Советского государства в военное время на разных исторических этапах его развития.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования, введенные в оборот опубликованные материалы, могут быть использованы при подготовке исследований по проблеме массового сознания в Советском Союзе в межвоенный и военный периоды, при работе над историей советско-японских отношений в указанный период. Отдельные результаты исследования могут быть применены для более подробного изучения тем, посвященных средствам и способам агитационно-пропагандистской политики государства в годы военного времени, морально-психологической подготовке советского общества в годы Второй мировой

войны и в другие периоды советской истории. Некоторые материалы могут быть использованы для подготовки лекционных и практических курсов по истории советской России, при составлении олимпиадных заданий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С Хасанских событий лета 1938 года начинается процесс формирования образа Японии как «врага» Советского Союза. В данный период внедрению официальных стереотипов об островном соседе способствуют действенные в СССР пропагандистские средства и приемы, такие как, печать, радио и кинематограф. Преимущественно, любой источник советского агитпропа содержал информацию об оккупационной политике японских властей в Китае, их «бесчинствах» в период дальневосточной интервенции, статьи о традициях и обычаях японских «самураев». Для подтверждения обвинительных материалов в советских средствах массовой информации старались публиковать информацию от первых лиц, к примеру, от красноармейцев или от лица авторитетных военных и политических деятелей, по возможности, оригиналы документов.

2. После событий на Хасане и Халкин-Голе советские средства массовой информации стали формировать выгодную для государства информационную реальность. Однако советским руководством не преследовалась цель изменить общественное мнение об островном соседе. На радио, агитсобраниях, в печати временно отказалась от информационных провокаций в рамках заключенного 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете, результаты которого были выгодны как для Японии, так и для СССР. В условиях Великой Отечественной войны и разразившейся войны на Тихом океане в СССР была приостановлена агитационно-пропагандистская работа в отношении Японии, что, в свою очередь, привело к отсутствию отрицательных стереотипов о ней. В советском агитпропе стали все чаще прибегать к цитированию зарубежных периодических изданий, не оставляя при этом своих комментариев. Но с началом дальневосточной кампании в августе 1945 г. советскими средствами массовой информации была создана целая система пропагандистских приемов, языковых формул, позволивших вновь воссоздать прежний «образ врага».

3. Образ Японии как «врага» Советского Союза нашел отражение и в других средствах восприятия, к примеру, в сатирических и героических плакатах, где японцы зачастую изображались нарочито карикатурными существами с зооморфными характеристиками. Большинство фольклорных жанров, в отличие от международных документов или научно-популярных статей усваивались массовой аудиторией намного лучше, поскольку обладали эмоциональным восприятием, что позволяло отойти от декларированного характера методов и средств формирования представлений о Японии и японцах. Общие ключевые установки и отношение к островному соседу нашли отражение и в кинематографе, который всегда сопутствовал внешнеполитическим событиям. Герои предвоенных кинокартин цитировали уже известные в массовом сознании стереотипы о дальневосточном соседе:

«Япония империалистическая», «японские интервенты», «японская военщина», «японские захватчики».

4. С 1938 – 1945 гг. сложившаяся система отрицательных стереотипов в отношении «японской военщины» в советском агитпропе действовала единым фронтом, но никогда не распространялось на японский народ. Пытаясь абстрагироваться от «феодалных перегибов» в образе японцев, в советском военном творчестве, на радио и в печати пытались создать сложный собирательный «образ врага».

5. К 1930-м гг. ассоциирующаяся с феодальным государством Япония в представлениях советского руководства и И.В. Сталина претерпевает эволюцию представлений. Анализ некоторых аспектов повседневной жизни дальневосточного соседа позволило советскому руководству спроецировать, ставшую официальной, систему стереотипов о Японии на Советский Союз и сравнить две соседствующие державы. С победами на Хасане и Халкин-Голе в сознании политической и военной элиты СССР укоренился образ слабого, побежденного врага, неспособного принимать эффективные стратегические решения. Уважительное отношение в период всей Второй мировой войны к японской психологии ведения боя не изменило представлений о ней к августу 1945 г. Наблюдая за японскими военными в состоянии их психологической покорности в сознании военного руководства с новой силой возникали представления о Японии, сформированные еще в конце 1930-х гг.

6. В сознании военнослужащих проецировалось восприятие советского руководства. Однако непосредственные контакты с противником, эмоциональные компоненты восприятия позволяли абстрагироваться от пропагандистских «штампов». Реалии фронтовой жизни на Дальнем Востоке, «шапкозакидательские» настроения или положительные стереотипы об островном соседе зачастую оставались на уровне индивидуального восприятия советских солдат.

7. В условиях относительно непродолжительных военных кампаний с Японией, бесперебойной работы средств пропаганды и агитации, доминанта общественных настроений в тылу оставалась неизменной. Однако война оставалась для каждого своя, о чем периодически свидетельствовали упаднические или «шапкозакидательские» настроения в тылу на уровне обыденного сознания. Большинство жителей СССР, которые не имели возможности углубить представления на уровне индивидуального восприятия, оперировали официальными представлениями о Японии.

Апробация темы проходила в течение всего периода разработки проблемы. Отдельные положения и выводы обсуждались на заседаниях кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Апробация результатов данного исследования осуществлялась на следующих конференциях: Международная научная конференция «Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 14-16 марта 2014 г.), Всероссийская научная конференция с международным

участием «Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014 г.), Международная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война – героические и трагические страницы в истории советского народа» (Оренбург, ОГПУ, 14-15 июня 2015 г.), Всероссийская научная конференция с международным участием «Модернизация в России: история, политика, образование» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 28 августа 2015 г.), Международная научная конференция «Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию Русской революции 1917 г.)» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С. Пушкина, 16-18 марта 2017 г.), II Региональная научная конференция с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации» (Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 21-22 ноября 2017 г.), Международная научная конференция «Великая Отечественная война в Российской истории» (Санкт-Петербург, Российский государственный гидрометеорологический университет, 21 февраля 2018 г.).

Структура исследования обусловлена поставленными целями и задачами. Диссертация включает 207 листов. Исследование состоит из введения (с. 3 – 33), двух глав, разделенных на шесть параграфов (с. 34 – 184), заключения (с. 185 – 189), списка источников и литературы (с. 190 – 200), а также приложений (с. 201 – 212). В работе были использованы 102 наименования источников, 103 наименования литературы и 3 наименования электронных ресурсов. Приложения включают 4 иллюстрации (с. 208 – 209) и 11 таблиц (с. 201 – 207, с. 210 – 212).

II. Основное содержание диссертации

Во *введении* обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи диссертации, обозначены хронологические рамки и территориальные границы работы, раскрыты степень изученности проблемы и ее научная новизна, дана характеристика источниковой базы и методологической основы исследования, отражена его теоретическая и практическая значимость.

Первая глава диссертации посвящена средствам и способам формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании накануне и в период Второй мировой войны.

В первом параграфе первой главы «Деятельность периодической печати в формировании представлений населения СССР о Японии и японцах» рассматривается положение и влияние центральных и региональных газет и журналов как средств государственной агитационно-пропагандистской политики в годы Второй мировой войны. Определяется роль периодической печати в формировании представлений о Стране восходящего солнца в советском массовом сознании.

В период войны советская печать поставила перед собой ряд задач, первоочередными из которых были следующие: сформировать в сознании людей «образ врага», переломить психологию страха у жителей СССР и призвать к беспощадной борьбе с противником. Новые задачи потребовали перестройку содержания газет, развития массовой печати на фронте и в тылу. Процесс информационного воздействия средств массовой информации на население страны неизбежно был связан с геополитическими интересами Советского Союза в мире, и непосредственно в дальневосточном регионе.

В 1937 г. на последних страницах советских газет была создана рубрика, в которой фиксировались все события японо-китайской войны, под одноименным названием. Как правило, сводки содержали фактический материал о месте, времени боевых столкновений. Ломка нейтральных стереотипов о войне произошла летом 1938 года в связи с провокационными действиями японцев в районе озера Хасан. После локальных конфликтов в конце 1930-х гг. ситуация в советских средствах печати стала меняться. Отсутствие в газетах отрицательных коннотаций о Японии привело к смене агитационно-пропагандистской направленности советской печати, которая с началом Второй мировой войны стала акцентировать свое внимание на информационной борьбе с фашистской Германией и ее союзниками в Европе. Ситуация еще больше изменилась в апреле 1941 г., когда был подписан Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Документ положил начало «дальневосточному затишью», что в свою очередь, способствовало еще большему ослаблению накала антияпонской пропаганды вплоть до начала Маньчжурской стратегической наступательной операции в 1945 г. К «финалу» Второй мировой войны перед органами советской печати вновь встала задача формирования «образа врага». В средствах массовой информации сразу появилась откровенная враждебность ко всему «японскому», подкреплённая свидетельствами очевидцев недалекого прошлого. Закреплению нужных стереотипов способствовало повторение тех ассоциаций о Японии, которые использовались советской пропагандой в период локальных конфликтов между СССР и Японией в конце 1930-х гг.

Во втором параграфе первой главы «Влияние наглядной агитации и кинематографа на восприятие советских людей о Японии и японцах» рассматривается роль наглядных средств массовой информации на советское общественное сознание накануне и в годы Второй мировой войны.

Действенным средством агитационно-пропагандистской политики в СССР становятся советские плакаты, адаптированные для массовой аудитории. По сравнению с другими средствами пропаганды советский плакат имел ряд преимуществ: был постоянно обращен к массовой аудитории, являлся носителем популярной информации, имел устойчивый и яркий визуальный образ.

Начиная с 1938 года, образ Японии нашел отражение преимущественно в советских сатирических плакатах, представляющих смысловую противоположность плакатам «героическим». Японцы изображались нарочито карикатурными, зооморфными существами. Уже в условиях войны

с Японией происходила актуализация исторической памяти советского народа. Многие карикатуристы акцентировали внимание жителей СССР на устоявшихся стереотипах о дальневосточном соседе, известных еще со времен русско-японской войны и событий дальневосточной интервенции. Осмысливалась тема неизбежного поражения японцев, символично подчеркивалась преобладание побед Советского Союза над фашистской Германией и фашистской Японией. Зачастую любая зарисовка сопровождалась небольшими стихотворениями, рассказами, анекдотами и частушками, авторами которых нередко были сами фронтовики. Появление подобных примеров устного народного творчества свидетельствовало не только об уверенном настрое советской армии, но и о восприятии к Японии, как к врагу несерьезному.

Наряду с наглядной агитацией особую роль в пропагандистской политике советского государства стал играть кинематограф, формируя единый, взаимодополняемый «образ врага». Начиная с 1933 года, период относительно непродолжительных локальных столкновений с японцами на дальневосточной границе нашел отражение в нескольких советских кинолентах (к примеру, в фильме А.П. Доженко «Аэроград» (1935 г.), в картине братьев Васильевых «Волочаевские дни» (1937 г.) и мн. др.). Эффективность всех этих пропагандистских картин заключалась в их нацеленности на массовую аудиторию, в их возможности осмыслить предлагаемый авторами образ в условиях полного доверия зрителя тому, что показывают, пишут.

В третьем параграфе первой главы «Формирование представлений о Японии и японцах посредством радиовещания и устной пропаганды» рассматривается роль пропагандистов и советского радио на советское общественное сознание накануне и в годы Второй мировой войны.

Особую роль в формировании представлений о Японии и японцах в период войны сыграли советские пропагандисты. Их задача, как на фронте, так и в тылу сводилась, прежде всего, к оперативному информированию бойцов и местного населения, в связи с возможными перебоями или полным отсутствием других средств агитации, того же радио или периодической печати. Их наличие в каждом воинском подразделении, на предприятиях и в учреждениях позволяло охватить наибольшее количество слушателей. Хотя тема Японии на политзанятиях поднималась только в период советско-японских конфликтов в период с 1938 – 1945 гг., значительная роль в период т.н. «дальневосточного затишья» отводилась работе советского радиовещания, в программах которого могла встретиться тематика так или иначе связанная с Японией.

Вторая глава диссертации посвящена результатам формирования представлений о Японии и японцах в советском массовом сознании на фронте и в тылу накануне и в период Второй мировой войны.

В первом параграфе второй главы «Представления о Японии и японцах в сознании военного и политического руководства Советского Союза»

рассматривается проблема восприятия Страны восходящего солнца высшим советским руководством.

В предвоенные годы советское руководство не имело конкретных представлений об островном соседе, недостаток информации о Японии компенсировался за счет устоявшихся стереотипов, известных еще со времен русско-японской войны и дальневосточной интервенции. В условиях напряженной международной обстановки советское руководство предпринимало попытки обогатить представления о Стране восходящего солнца, используя различные источники информации. В те годы в личной библиотеке И.В. Сталина появляются книги, в которых содержался подробный анализ различных аспектов жизни в Японии (среди них работы Т.О. Конроя «Японская угроза» (1934 г.), «Военно-фашистское движение в Японии» (1933 г.), «Военно-морские силы в Японии» (1933 г.), созданная Управлением Штаба РККА). Внимание в них уделялось истории, традициям и особенностям повседневного быта японского народа; истокам и формам фашистских движений в Японии; давалась детальная характеристика военно-морских сил с учетом их угрозы для Советского Союза.

Последующие впечатления главы государства и военно-политического руководства отобразились в официальном массовом сознании. После побед на Хасане и Халкин-Голе в конце 1930-х гг. в их системе представлений укоренился «образ врага», но уже образ слабого врага, побежденного, хотя многие советские военачальники не раз отмечали преданность и фанатизм, с которым сражаются японские солдаты. С учетом интересов обеих сторон, подписанный Пакт о нейтралитете не преследовал цель изменить систему образов о Японии в официальном сознании советских военачальников, а наоборот, преследовал исключительно стратегические цели на фоне развернувшейся Второй мировой войны. В этих условиях советское руководство получало доподлинно проверенную информацию о внутренней обстановке в Японии и на границах с Советским Союзом от сотрудников советской дипломатической миссии и советской разведки.

Во втором параграфе второй главы «Образ Японии в сознании советских военнослужащих» рассматриваются проблемы восприятия Страны восходящего солнца непосредственными участниками боевых действий – рядовыми военнослужащими, командирами армий и военными корреспондентами.

В период боев на Хасане и Халкин-Голе образ японцев только начинал складываться в сознании военнослужащих. Многие советские воины тогда впервые отметили фанатическое упорное сопротивление японских солдат, оценили феномен «камикадзе», особо выделили хорошую подготовку японцев в ближнем бою и отсутствие у них перебежчиков. Устоявшиеся стереотипы о японских военных дополнялись личными наблюдениями и переживаниями советских солдат, воевавших на Хасане и Халкин-Голе. В период «дальневосточного затишья» провокационная деятельность со стороны Японии не прекращалась. Советской разведкой фиксировались случаи нарушения сухопутной и морской границы СССР, случаи вторжения

в советское воздушное пространство. В период Маньчжурской стратегической наступательной операции частные практики позволили советским военнослужащим вновь сформировать собирательный, многопластовый образ дальневосточного соседа, наполненный всевозможными стереотипами, начиная от «ненавистнических» и заканчивая «восторженными».

В третьем параграфе второй главы «Восприятие Японии тружениками тыла» рассматриваются официальные и обыденные представления о Японии жителей Советского Союза.

В период боев на Хасане и Халкин-Голе, в период «дальневосточного затишья» и войны с Японией в августе 1945 г. доминанта общественных настроений населения СССР оставалась неизменной, свидетельствовала о патриотическом подъеме у подавляющей массы населения. С 1938 – 1945 гг. «образ врага» создавался на противопоставлении «мы» и «они» за счет периодического повторения уже известных стереотипов об островном соседе. Панические настроения, распускание слухов пресекались на месте, проводились разъяснительные мероприятия по результатам которых, работа некоторых учреждений признавалась неудовлетворительной, как и моральное состояние некоторых рабочих и служащих. Однако разногласия о будущем переустройстве мира, прямые боевые столкновения на протяжении первых четырех десятилетий XX века привели к тому, что восприятие Японии в массовом сознании стало однородным, что считалось закономерным в условиях военного времени.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В научных журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Коршенко С.В. Настроения жителей Ленинграда в связи с объявлением советско-японской войны (август – сентябрь 1945 г.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Научный рецензируемый журнал. – 2016. - № 22 (243). – Вып. 40. – С. 167-172.
2. Коршенко С.В. Япония в обыденном сознании дальневосточников в 1938 – 1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Научный журнал. – 2017. - № 1 (39). – С. 22-29.
3. Коршенко С.В. Формирование представлений о Японии и японцах во время Советско-японской войны (август 1945 г.) средствами наглядной агитации // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. - № 7 (127). – С. 129-135.

4. Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в советском предвоенном и военном кинематографе (1935 – 1945 гг.) // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2017. - № 8 (128). – С. 140-146.
5. Коршенко С.В. Советско-японская война (август – сентябрь 1945 года) глазами советских воинов // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. – 2018. – № 2 (134). – С. 199-208.

Публикации в других изданиях:

6. Коршенко С.В. Роль советских газет в формировании представлений о Японии и японцах в советском общественном сознании накануне и в период Второй мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России. XVII – XXI вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 114-119.
7. Коршенко С.В. Образ Японии и японцев в сознании советских военнослужащих-дальневосточников накануне и в период Второй мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ. / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 173-177.
8. Коршенко С.В. Проблема изучения «образа врага» в отечественной историографии на примере советско-японского противостояния накануне и в период Второй мировой войны // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 179-184.
9. Коршенко С.В. Образ Японии в сознании военного и политического руководства СССР в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война – героические и трагические страницы в истории советского народа. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 14 – 15 июня 2016 г.: сб. статей / ред. кол.: В.А. Лабузов [и др.]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. – С. 185-189.
10. Коршенко С.В. Повседневность и политика Японии в представлении советского руководства в первой половине 1930-х гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16 – 18 марта 2017 г. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 185-191.
11. Коршенко С.В. Деятельность советского радиовещания в формировании представлений о Японии и японцах в советском общественном сознании накануне и в период Второй мировой войны // Великая Отечественная война в Российской истории: материалы междунар. науч. конф., 21 февраля 2018 г. – СПб.: Российский государственный гидрометеорологический университет, 2018. – С. 132-135.